

16 апр. 1982 г.

Апрельский луч

Апрельский солнечный луч пробежал по стене, и заиграли краски на полотнах — хозяин дома давно интересуется живописью, коллекционирует ее и даже героиней любимого своего романа «Перед зеркалом» сделал художницу. Утренний луч осветил высокие стеллажи с папками — его более чем полувековой архив, скользнул по листу бумаги...

Вениамин Александрович Каверин всегда работает по утрам. Не изменил он этому обычаю и в канун своего 80-летия: пишутся главы нового романа, который будет называться просто — «Маленький роман с прологом и эпилогом».

— Вспоминая свою долгую жизнь, я подумал, что почти не затронул самую острую, значительную для истории полосу — годы войны, когда я был военным корреспондентом сначала ТАСС в Ленинграде, потом «Известий» на Северном флоте. Свои записные книжки тех лет я листал с изумлением: очень много материала нетронутого, забытого... Меня удерживала мысль, что о войне написано много и интересно, сказать что-то новое необычайно сложно. Но ведь литературная работа вообще невозможна без преодоления сложного, без борьбы с сомнениями — не бывает. И я взялся за этот материал.

Действие романа происходит в Москве, в Перми, в глухой Вологодской области и на Северном флоте — в поселке Полярное, который был базой Северного флота в годы войны. Главный герой — военный корреспондент, мечтающий стать писателем.

Доставляет немало хлопот работа над сюжетом, но я считаю это необходимым, хотя критики не раз упрекали меня за пристрастие к острому сюжету. Они-то не знали, что Горький настоятельно внушал мне, еще когда я был юношей, что следует дорожить этой склонностью...

— Почему вы ввели в новый роман пролог и эпилог?

— Решил предложить читателю авторское объяснение, рассказать о некоторых реальных людях, которые меня поразили, — живых и уже ушедших от нас. Все они помогали мне писать эту книгу. Это адмирал А. Г. Головкин, память о котором бережно храню всю жизнь. Это книги капитана I ранга В. Старикова и многие другие. Активную, непосредственную помощь оказал мне вице-адмирал Н. А. Торик, мои фронтовые товарищи, и прежде всего военный корреспондент «Правды» Н. Михайловский.

Общаясь с друзьями, читая, вспоминая, я обычно обдумываю канву будущего произведения, вижу черты будущих персонажей. А иногда случайная встреча дает толчок, и в воображении вдруг сразу

складывается цельный характер. Так было с «Открытой книгой»: десятиминутный разговор со сторожем — и угадан характер отца героини. Жизненный опыт, наблюдения — и случайный толчок.

— В новом вашем романе действуют военные моряки, военные журналисты, фон его суров. А ведь, по собственному признанию, писателя Каверина особенно интересуют цельные женские характеры и никогда не оставляла надежда в каждой новой работе осветить еще одну, какую-то новую грань образа стойкой и прекрасной русской женщины!

— Друзья моей новой героини называют ее женщиной XIX века, но на самом деле она вполне современна, в мирное время учит детей географии, а в годы войны становится медсестрой...

Русская литература всегда была учебником жизни, так или иначе ставила перед читателями серьезные нравственные задачи. Такую задачу пытаюсь поставить и я. Дело в том, что меня беспокоят некоторые черты, свойственные определенной части современной молодежи. Не всей, подчеркиваю, а определенной. С моей точки зрения, хотя я отнюдь не считаю себя знатоком молодежи, это — эгоцентризм, повышенное внимание к себе и куда меньше к другим, подчас холодность, даже беспощадность к людям. Против этого мне и хочется поднять голос.

Я хочу написать героиню вполне современную, но вместе с тем взявшую все лучшее из прошлого русской культуры. Я хочу написать героя, которому доброта и снисходительность к людям не мешают трезво и серьезно относиться к своему, такому сложному делу в годы войны. Я хочу написать моряка, у которого очень нелегкий, да что там нелегкий — просто скверный характер, но он смел, расчетлив, не боится смерти. Люди сложные и не желают укладываться в схемы, к которым питают слабость некоторые писатели... Конечно, круг героев гораздо

шире, чем упомянутые. Это и военные моряки, и штатские люди, поставленные судьбой и войной в необычные, неожиданные положения.

— Как вы относитесь, Вениамин Александрович, к предстоящему юбилею!

— Увеличилось количество читательских и писательских писем — это хорошо. Во многих высказывается впечатление от прочитанного. А бывают и такие, которые радикальным образом изменяют путь, которым я иду, работая над новой книгой. Так было с «Двумя капитанами» — под воздействием глубоко аргументированного письма профессора географии Хромова я, не планируя этого заранее, взялся за второй том. А недавно я получил тоже очень интересное, тронувшее меня письмо. Моя последняя повесть «Верлиока», опубликованная в «Новом мире», оценивалась с точки зрения чистоты русского языка. Это тем более важно, что о стилистической стороне художественных произведений у нас, к сожалению, очень мало пишут.

Да, а что касается юбилея — кроме писем, это еще всякие дела, отрывающие от работы. А мне надо многое успеть, а сил уже не так много. Ведь, кроме романа, который мне хочется закончить, есть еще очень увлекающая меня работа на телевидении. Увлекающая, потому что проза при помощи музыки, изобразительного искусства становится неузнаваемой и, может быть, порадует меня больше, чем киноэкран. Потому что, к сожалению, экранизация моих произведений, несмотря на все высокие оценки в печати, пока что меня не очень радовала.

Так вот, я пишу теперь специально для телевидения. Сценарий фильма о Тынянове. Недавно на телеэкране уже прошла сказка «Немухинские музыканты», думаю продолжить эту работу — планирую целую сказочную трилогию. Как видите, замыслов много, сил — не очень, а вы говорите — «юбилей»...

Е. ХОРЕВА,
корр. ТАСС — специально для «Советской культуры»